

СЕМЬЯ И ВРЕМЯ

Исповедь. Мои воспоминания*

Л. Н. Белая

Я родилась при советской власти, и как жили люди поколения моих родителей, я не знаю. О том периоде мне много рассказывали моя вторая мама и отец. В то далекое время люди Кубани жили безмятежно в спокойных станицах. Трудовой народ просыпался рано, едва только первая заря пробивалась на восточной окраине неба. Постепенно замолкал дружный лай собак, прекращалась переключка ранних петухов. На смену этим звукам шли другие — мычание коров, выгоняемых из ворот в череду, трудовой народ спешил на свои рабочие места. Начинался новый день.

В станице Мингрельской большую часть населения составляло казачество. Казаки были богатые и бедные. По закону землю имели богатые и бедные. Бедные казаки не могли обрабатывать землю за неимением тягловой силы и сельскохозяйственного инвентаря, а поэтому свою землю сдавали в аренду, а сами нанимались на работы к богатым. Богатые владели большими и красивыми поместьями, имели подсобные постройки для лошадей, коров, птицы. А очень богатые люди имели в своих поместьях мельницу или маслобойню. В станице была построена

богатыми казаками общая станичная мельница. Во время войны немцы отступали и эту мельницу взорвали вместе с заложниками.

В те далекие годы казаки построили двухэтажную школу, в которой дети учатся до настоящего времени. Бедные казаки в большинстве своем не имели своих жилищ. Работали все — богатые и бедные. Хлеб давался одинаково трудно для всех. В настоящее время Казачий хор Кубани поет песню:

«Ты запомни, сынок, золотые слова:
Хлеб всему голова,
Хлеб всему голова».

С ранней весны и до поздней осени те, кто занимался хлебопашеством, в поте лица трудились в поле. Только к октябрю-ноябрю наши предки были готовы к зиме: урожай с полей убирался и засыпался в закрома, готовлялись впрок корма, засеивались поля озимыми зерновыми, только потом они с легкой душой отмечали завершение полевых работ. Жители станицы занимались не только хлебопашеством, но и ремеслом, торговлей. Ремесленники были разные: сапожники, портные, гончары. Гончары выжигали глиняную

* Окончание. Начало в № 3 за 2008 г.

посуду: макитры (емкость на два-три ведра), макитэрки разных размеров, кувшины (кувшин на казачьем наречии назывался «глэчик»). Такая посуда нужна была в каждом доме. В те времена хлеб женщины пекли сами. Во все времена труд женщины был каторжный, лучше работать в поле, чем вести домашнее хозяйство. Там, где были большие семьи, хлеб пекли каждую неделю, а то и два раза. Большая макитра предназначалась для замешивания теста для хлеба. Макитэрка предназначалась больше всего для молочных продуктов. В макитэрке делали ряженку, простоквашу, а еще оттапливали в русской печи сметану для масла. Такое масло я ела только в детстве у своих родителей. В глэчики наливали молоко для скисания. Были еще большие кувшины с ручками. В таких кувшинах хранили растительное масло. Когда варили повидло из слив, заливали в эти большие кувшины, ставили в горячую печь, повидло запекалось и никогда не прокисло.

После окончания полевых работ труженики Кубани в основном отдыхали. Молодежь в летнее время собиралась по своим кварталам. Играла гармошка, пели песни, танцевали, грызли семечки. Зимой парни нанимали хаты и там устраивали посиделки. По казачьим законам молодежь Кубани воспитывалась в строгости. При старших молодые казаки никогда не выражались, не курили, не появлялись на улице пьяными. Слово родителя было закон, и никто не противоречил отцу или матери. А дедушка в семье был бог. Если появлялись пьяницы или сквернословы на улице, с ними не церемонились. Судов тогда не было. Провинившихся забирали в казачью управу и наказывали плетью. Если девушка прогуляется, то замуж ее никто не брал. Она имела право выйти замуж только за мужчину, у которого умерла жена и осталась куча детей. Когда приходило время казаку идти на службу, отец обязан был купить коня, седло, казачью форму. Провожали казака со двора до сборного пункта всей родней. Оседланного коня вела сестра, сзади шли отец, мать, а посередине шел казак в казачьей форме. За ними шла вся родня, друзья и пели песни.

Осенью, после окончания работ, начинались свадьбы. Очень почетно считалось девушке из иногородней семьи выйти замуж за казака. Не так просто жениться казаку на девушке, живущей в другом конце станицы, часто между ребятами затевались драки.

Мне очень нравился обряд венчания. Венчали только в воскресные дни. Народу было много. Бывало, венчали одновременно две-три пары. Невесты были одна другой наряднее, красивые. Замуж выдавали шестнадцати лет, совсем молоденьких. Батюшка был одет в праздничную ризу. Горело много свечей. Пел церковный хор. Конечно, процесс венчания очень красивый, торжественный и радостный.

Когда жених со своей свитой ехал за невестой, старший боярин брал с собой разные подарки для выкупа. Жених надевал казачью форму, сбрую на лошадях украшали цветами. У невесты родня тоже не зевала. Запирали ворота, двери в хату, невесту сажали за стол и накрывали фатой. Везде надо было платить выкуп. Конечно же все делалось для веселья. Были и принципиальные женихи, которые давали понять, что они могут повернуть назад. Такая свадьба веселья не обещала.

После венчания ехали к родителям жениха. Родители встречали новобрачных с иконой, благословляли и поздравляли с законным браком, обсыпали деньгами, конфетами, орехами, хмелем, усаживали за стол около икон в святой угол. Начиналось застолье. Все приглашенные поздравляли новобрачных и дарили, кто что мог на молодое хозяйство. Дарили телочку, лошадей, свинью, гусей, курей, деньги.

После родителей жениха ехал целый свадебный поезд к родителям невесты. Там тоже родня поздравляла, дарила подарки. Невеста прощалась со своими родителями, забирала свое приданое, и к вечеру возвращался свадебный поезд с песнями в дом жениха. Новобрачным и молодежи нанимали хату и устраивали вечер, а те, кто постарше, устраивали веселье у родителей. Пили вино, пели, танцевали. На второй день опять собирались

гости, свадьба продолжалась. На какой день собирались родители жениха и невесты вместе — не помню. В то время свадьбы справляли отдельно, у родни жениха своя свадьба, а у родни невесты — своя. Развлечения придумывали себе сами. В последний день свадьбы собиралось несколько человек, одевались в разные одежды, мужчина надевал женскую, женщина надевала мужскую, одевались старухами, клоунами, кем попало. Эта компания называлась «цыгане». Эти цыгане ходили по родственникам, которые были на свадьбе, и собирали курей, приносили их отцу и матери, рубили их, варили, и опять начиналась попойка. Если у хозяина нет курей, давай водку — таков закон свадеб.

Заканчивался текущий год, начинали готовиться к Рождеству и Новому году. Мужчины наводили порядок во дворах, женщины — в хатах. Хата заранее белилась снаружи и внутри, мылись окна, стиралось белье, кровати застилались новым покрывалом, а стол — новой скатертью с каймой. Накануне Рождества резали свинью. Жарили домашнюю колбасу, в тесте зажаривали окорок, варили холодец, курей. Пекли пироги в русской печи с мясом, с творогом, с сухофруктами, с айвой. Все эти лакомства ставились на накрытый скатертью стол в «вылыкой хати», и зажигали лампаду. На Рождество 7 января рано утром ребята по пять-шесть человек ходили по хатам рождествовать, славить Христа. Одни уходили, другие уже стучатся в двери: «Пустите рождествовать». Для таких мероприятий заранее готовили гостинцы. В такие ночи почти никто не спал. Приходили и взрослые ребята. Взрослым ребятам наливали по стаканчику и давали деньги. На Рождество после церкви пили-ели, ходили в гости или приглашали к себе.

Проходили рождественские праздники, начинались новогодние. Опять суета. Надо жарить-парить, печь.

А сколько заботы было у девчат! Ведь под Новый год начинались гаданья. Очень хотелось узнать: выйдет ли она замуж в новом году, и кто будет ее суженый. Под подушку клали мостик, связанный из палочек, и если

приснится во сне, кто будет переходить мостик, тот будет ее жених. Много было разных гаданий. Ночью бегали под чужие окна и слушали, о чем в хате говорят. Если в разговоре есть слова «уйди» или «уйдет», «пойди», «уезжайте», значит, девушка, которая подслушивала, в новом году выйдет замуж. Когда мне было 18 лет, я тоже ходила подслушивать, когда стемнело, под окна большой семьи. Эта семья ужинала, ребята за столом баловались. Мать сказала: «Сядь, я кому говорю». Эти слова исполнились. Моя мама тоже гадала. Луковицу разрезала на две половины. Дольки лука (12 штук, по числу месяцев в году) раскладывала на столе в порядке следования месяцев. В каждую дольку насыпала соль равными порциями. Утром проверяла: сколько жидкости в каждой дольке. Этим методом она узнавала, в каком месяце выпадет больше осадков, в каком меньше.

Под большие праздники богатые люди не оставляли без внимания многодетную женщину, которая потеряла мужа. Ей привозили ночью и ставили под двери хаты мешок муки и продукты, которые нужны к празднику. Ставили под двери, стучали в окно, а сами быстро уходили. Это подавание называлось «тайная вечеря». Так проводили праздники: отдыхали, ходили в церковь, казаки устраивали скачки. В большие морозы катались на санках по станице, делали разминку лошадям, чтобы не застаивались. Потом подходила масленица и опять веселье. А после масленицы — Великий пост. Великий пост продолжался 7 недель и соблюдался очень строго. 7 недель ели только нежирные продукты: постный борщ, разные супы, каши, рыбу, пирожки с фасолью, картошкой, тыквой, сухофруктами. Вся пища готовилась на постном масле (растительном). Кубанский борщ всегда славился, особенно когда варился на говяжьем бульоне и заправлялся салом, толченым с солью, луком, зеленью петрушки и укропа. Кубанцы даже стихотворение написали о своем борще:

Есть много блюд на белом свете:
Ромштекс, бифштекс — не будешь тош!

Но у меня на первом месте
Кубанский с перцем красный борщ.
Вот дышит он, густой, пахучий,
Укроп для глаза и души,
Его поем — такой могучий,
Хоть целину на мне паши.

Варили узвар из сухофруктов, отваривали и жарили картошку и ели с солеными огурцами или квашеной капустой. Тыкву разрезали на три-четыре части и запекали в печи: очень вкусная еда.

Особенно последние две недели кубанцы очень строго себя вели: не ругались, не пили вино, если курящие мужчины не выдерживали две недели, то курили тайно где-нибудь в конце двора, чтобы не видел отец. Женщины с мужьями не спали. Все это считалось большим грехом перед Богом. Последнее воскресенье перед Пасхой было вербным. В это воскресенье святители веточки из вербы в церкви. А когда приносили эти веточки домой, то каждого били веточкой и приговаривали: «Не я бью — верба бьет, не умирай, красное яичко ожидай!». Последний четверг перед Пасхой назывался «чистый четверг». В этот день везде наводился порядок. Все члены семьи в этот день мылись, чтобы Пасху встретить чистыми. В «чистый четверг» пекли пробные пасхи (кулички). Если пасхи получались удачными, то по этому рецепту пекли их в пятницу или субботу. Красили яйца, пекли пироги, готовили разные мясные блюда. Все эти продукты святители, а потом можно было есть. Святить пасхи начинали очень рано. К церкви шли еще раньше. С вечера в новую корзину, застеленную чистым полотенцем, ставили пасху, курицу, яйца, колбасу и обязательно клали восковые свечи. Корзина закрывалась полотенцем и была готова к священию.

Ранним утром отец брал корзину с продуктами, меня за руку, и мы шли к церкви. В самой церкви шла всенощная служба, а вокруг церкви в несколько кругов становились желающие святить пасху. Когда священник объявлял: «Христос воскрес из мертвых», корзинки открывались, и в каждой корзинке

зажигалась восковая свеча. Священник шел по кругу с церковной свечой, святит продукты в каждой корзине и говорил: «Христос воскрес». С церкви шли домой, заходя в хату, говорили: «Христос воскрес», домашние отвечали: «Воистину воскрес» и целовались. Мама быстро накрывала на стол, первыми ставила продукты, принесенные из церкви, и первыми всем их надо было опробовать, а потом ели, кому что хотелось. После завтрака ложились спать. Отдохнувши, шли на кладбище.

Так тогда жили, так работали и так отмечали праздники, отдыхали. Когда пришла советская власть, началась новая жизнь. Эту новую жизнь мало кто понимал и принимал. Бедноте нравилась новая жизнь, богатым — нет. Началось трение между старым режимом и советской властью. Богатое население станицы Мингрельской колхозы не признавало, молодая советская власть настаивала своими указами вступать в коллективное хозяйство. Первые годы были очень трудными для советской власти.

В колхозы вступала, в основном, беднота, раньше работавшая у богатых. Из этой бедноты выбирались руководители. Началось гонение на тех, кто не хотел вступать в колхоз. Богатые бросали всежитое, уезжали в большие города, меняли фамилию и уезжали в другие республики, за границу. Средняки начинали верить советской власти и вступали в колхозы, сдавали им свое хозяйство (лошадей, упряжь, плуги, бороны). Кто не верил новой власти, все свое хозяйство сдавал в колхоз, а сам уходил в совхозы, на производство. Разрешалось единоличное хозяйство, но надо было платить большие налоги и все излишки сдавать новой власти. Многим не понравился новый закон. Началось раскулачивание. Дома конфисковывались, хозяйство забиралось. Раскулаченных без предупреждения ночью семьями увозили на вокзалы, сажали в товарные поезда и увозили, как спецпереселенцев, без права переписки.

В добротных кулацких домах располагались правления колхозов, колхозные брига-

ды (полеводческие, табачные, строительные), машинно-тракторные станции, больницы, начальные школы. Образование было обязательно для всех. Поэтому и переросших детей записывали в первый класс. Взрослым организовывались вечерние занятия. Конфискованные казацкие хаты отдавались бедноте. Так начиналась новая жизнь при новой власти. Конфискованные земли распределили между коллективными хозяйствами. Их в станице Мингрельской было четыре («Победа», «Революционный путь», «Молот» и «Красин»). Нужны были квалифицированные председатели колхозов — их не было. Отобранные у кулаков животные дошли, нечем было кормить. Колхозники работали бесплатно. Выходы на работу отмечались в ведомости палочками против каждой фамилии. Расчет с колхозниками производился за первое полугодие авансом, а в конце года, после годового отчета, распределялись сельхозпродукты и деньги по трудодням. Много заработал колхозник трудодней (палочек) — больше получит по сравнению с другими. Мало трудодней — мало получит. Много вреда коллективным хозяйствам принесли стихийные бедствия — наводнения. Погибли посевы. Начался голод.

Но постепенно советская власть с большими трудностями и ошибками становилась на ноги и крепла. Люди верили в ее силу и справедливость. Появилось радио, кинотеатры. Лучше стали работать и больше получать. Но пришла новая беда — война.

Новая разруха, погибли люди, немцы угнали скот, разрушили колхозы. Начался голод.

Я хочу снова возвратиться в свое далекое детство и этим закончить свое повествование. У моего отца была усадьба, она располагалась рядом с усадьбой дедушки. Два отцовых брата с семьями жили в своих хатах чуть дальше. Хата на усадьбе моего отца была не достроена, а сад уже радовал глаз. Пока деревья были не совсем большими, родители по саду сажали арбузы, дыни и всякие овощи. На лето отец забирал нас на усадьбу, на свежий воздух. А где мы жили, я не помню.

Осенью все мы уезжали в станицу зимовать в своей хате.

Прошло время, закончилась стройка нашей хаты на усадьбе. Родители продали свою хату в станице Мингрельской и переехали на усадьбу на постоянное место жительства. В школу я не ходила и в станицу не ездила. Отец и его братья часто собирались у дедушки и помогали ему по хозяйству. Все большие праздники тоже отмечали все вместе. И все пришли к нам на новоселье обмывать нашу новую хату. Моя новая мама нравилась дедушке и бабушке. Был такой случай: скосили пшеницу, ее обязательно надо сложить в копны для дальнейшего созревания. Дозревшие колосья лучше вымолачивались. А отца вызвали в станичное правление дежурить на целую неделю. Мама не стала ожидать отца, а поднялась на рассвете и начала пшеницу складывать в копны. Когда пришел дедушка, то ранние лучи солнца ласкали своим теплом ее лицо, шею и натруженные руки, а на поле стоял длинный ряд копен. Начался новый день.

Дедушка и отцовы братья работали сообща. Всем скосили, обмолотили. Засыпали зерно в закрома, излишки сдали государству. Снова вспахали поля и посеяли озимые. Предпоследнего дедушкиного сына Якова проводили на службу в Красную армию. Прошла осень, зима, а весной новая власть опять начала требовать излишки. Ездил комиссия по всем усадьбам, проверяла. Находила излишки — забирала. Дошла очередь до нашего дедушки. Проверяли везде: в закромах, сараях, конюшнях — излишков не обнаружили. Решили проверить кладовку. Зерна не оказалось, а в сундуке хранилась дедушкина казачья форма. Ничего не сказав, комиссия уехала. Через сутки ночью приехали несколько человек, зачитали дедушке обвинение: он обвинялся в хранении казачьей формы, а это значит, он против советской власти. Приказали собираться ему и всей его семье. Взять необходимые вещи и продукты. Бабушка просила разрешения проститься с сыновьями, невестками, внуками. Нельзя — был ответ. Все арестованные сели в подводу,

ездовой с ходу погнал лошадей рысью, а за подводой ехала охрана. Моя мама рано подымалась и в это время была во дворе. Она заметила, как из дедушкиного двора выезжала подвода с охраной, все поняла. Мама выскочила со двора, ей ехавшие в подводе помахали и скрылись за поворотом. Мама возвратилась в хату со слезами и все увиденное рассказала отцу. Отец и мама пошли на дедушкину усадьбу, когда совсем рассвело. Там находился часовой и сказал, что родителей забрали на высылку, а моему отцу и маме на усадьбе делать нечего — она теперь государственная.

Дедушку и бабушку отправили на Урал без права переписки.

На усадьбах стало страшно жить. Отцовы братья свои семьи отправили в станицу, а мои родители решили остаться, пока уберут урожай. Созрела пшеница, ее скосили, сложили в копны для дальнейшего созревания. Возле своего двора отец измерял ток определенной величины. С мамой сняли верхний слой земли с растениями и залили водой. Когда вода испарилась, ток застелили соломой, запрягли лошадей в каток и начали накалывать. Возили целую неделю, пока ток стал готовым к молотье. Пока ток подсыхал, мы с отцом пшеничные копны на тягалке подтягивали к току. Тягать копны надо утром рано, пока колосья от росы влажные и не сыпется зерно. Отец научил меня, как правильно заводить лошадей и по его сигналу в какую сторону поворачивать. Я все поняла и, по его словам, хорошо ему помогала. Когда стягивали копну на тягалку, отец поднимал меня на верх следующей копны, чтобы я не боялась, а сам уезжал.

Сколько дней мы занимались этим делом, я не помню. Только последний день мне запомнился на всю мою жизнь. Приехали с отцом на поле рано, стянули копну на тягалку, и отец уехал. Начинался рассвет, когда я услышала какой-то шум, который быстро приближался. Я смотрела вокруг и ничего не видела. Только со стороны нашей усадьбы верхом на лошади, без тягалки очень быстро ехал отец в мою сторону. Подъехав к копне,

взял меня под руки, посадил на лошадь впереди себя и очень быстро уехал в сторону нашей усадьбы. Я ничего не понимала, только видела: на подводе сидел мой брат, а мама носила узлы с постелью, бросала на подводу, а сама опять возвращалась в хату. Отец запряг лошадей в подводу, а сам побежал за мешками с мукой. Все сели в подводу, и почти галопом отец погнал лошадей в сторону хутора. До ближнего хутора было шесть километров. Только мы успели вскочить в хутор и дать передышку лошадям, вода уже заливала первые улицы хутора. Потом я слышала от взрослых, что когда началось таяние снега в горах, берега Кубани были плохо укреплены и не удержали натиск воды. Вода нашла слабое место, смыла берег и понеслась во все стороны, как сорвавшийся с привязи лихой конь, все сметая на своем пути. Плыло все: сено, солома, пшеничные копны. На копнах спасались зайцы, куры, собаки и всякие мелкие зверюшки. Когда все плывущее создавало плотную стену, вода перекатывалась через эту стену и мчалась дальше.

В хуторе вода залила только окраину. Вторая половина хутора располагалась на возвышенности, и вода туда не достала. Все пострадавшие от наводнения, в том числе и мы, жили в этом хуторе. Хутор назывался Могуکورово. Когда сильный натиск воды остановился, родители лодкой поплыли к своей усадьбе. Когда подплыли, то увидели только крышу своей хаты, стены раскисли и обвалились. На дедушкиной усадьбе хата и все постройки рухнули. Деревья подпарились и начали пропадать. Сколько времени мы жили в этом хуторе и как добрались до своей станицы Мингрельской, я забыла. Так как родители свою хату в станице продали, хлеб, овощи унесла вода, мы остались у разбитого корыта. Маму и нас с братом взяла к себе мамина сестра, а отец продал лошадей, оставил нам деньги на питание, а сам уехал в г. Новороссийск и поступил работать на цементный завод.

Хорошо помню вечернее время перед сном. Меня с братом мама ставила перед иконами и заставляла молиться Богу. После молитвы надо было креститься и просить Бога

помочь нашему папе и защитить дедушку и бабушку на чужбине. Бог услышал наши молитвы. В зимнюю холодную ночь приехал с высылки дядя Пимен. Жил он с нами у маминной сестры. Отпустили его или он сбежал, мы не знали. Мы верили в справедливость Бога. Бог дал людям святое — религию, но люди сделали из нее оружие убийства, предательства и лицемерия. Один из отцовых братьев первым вступил в колхоз. С остальными братьями старался не знаться и обходил их стороной. Была глубокая ночь, когда в двери, где мы жили, настойчиво постучали. На вопрос «Кто там?» пришедший назвался. Мамина сестра открыла двери, и в хату вошел отцов брат, который вступил в колхоз, и участковый. Забрали дядю Пимена и отправили на Урал.

Сколько отец работал в г. Новороссийске, я не помню. Только однажды он приехал и сказал, что теперь мы будем жить все вместе. Заводу, на котором он работал, нарезают землю в районе станицы Мингрельской, а отца назначили управляющим. Землю нарезали недалеко от того места, где была наша усадьба. Вода осталась только в плавнях, а земли, которые были выше от плавни, высохли и стали еще плодороднее. Отец начал организовывать подсобное хозяйство. Началось строительство жилья для рабочих и тружеников животноводства. Это хозяйство предназначалось для выращивания продуктов питания для рабочих цементного завода. Для нашей семьи поставили времянку. Для подсобного хозяйства завод купил трактор, грузовые машины, лошадей, и на второй год продукты отправлялись своими машинами прямо на завод. У нас снова появились корова, свинья, куры, а рыбы в плавнях было сколько хочешь. Дядя Яков отслужил свой срок в Красной армии и вернулся домой. И только тогда узнал, что у него нет ни дома, ни родителей.

Однажды перед вечером мама занималась хозяйством, а отец пришел с работы и что-то мастерил. Вдруг он остановился как вкопанный, а его взгляд был направлен на дорогу, идущую от станицы Мингрельской. Я тоже посмотрела в ту сторону. По дороге шла

старушка с котомкой в руке, шла медленно и уставши, потом стала поворачивать в сторону нашей хаты. Отец бросил все и бегом побежал ей навстречу. То шла моя бабушка. Слов нет, чтобы описать эту встречу. Отец принес ее на руках, посадил на стул, а она смотрела на всех нас потускневшими глазами. Это сидела сухонькая старушка, у нее дрожали голова и руки. И только потом, когда мама привела ее в порядок и когда она немножко отдохнула, начала нам рассказывать о своей жизни в чужой стороне.

Дедушку она похоронила, дочка пошла в тайгу за грибами и не вернулась — разорвали звери, дядя Пимен работает на лесоповале, а ее отправили домой по чистой отставке. Когда она приехала в станицу Мингрельскую, то сначала пошла к своей сестре, сестра ее приняла, и первые дни бабушка жила у сестры. Немножко отдохнув, бабушка начала обходить всю свою родню. Пошла к замужней дочери, пошла к сыновьям, обошла всех своих сестер и братьев, посетила всех своих приятелей, а потом, пройдя пешком 25 километров, пришла к нам. Прожила бабушка у нас несколько дней, ее поведение было каким-то беспокойным. Все время суетилась и куда-то собиралась. Потом стала просить отца повести ее на их усадьбу. Она не верила, что усадьбы нет. Расстояние от нашей времянки до того места, где когда-то были наши усадьбы, было километра полтора. Отец и мама пошли вместе с бабушкой. От хаты и других построек остались одни холмики, заросшие сорняками. Она села на холмик, где была когда-то хата, потом стала на колени и начала целовать этот холмик. Тоска сдавила ее сердце, она смотрела на все печальными глазами, из которых текли молчаливые слезы. Назад она шла очень тяжело, родители вели ее под руки. Под вечер ей стало плохо, а ночью парализовало, отнялась речь. Утром отец послал гонца в станицу сообщить печальную весть. На рассвете второй ночи отец подогнал лошадей с подводой к дверям нашей хаты. На подводе было много сена. Сено мама застелила одеялом, уложили бабушку еще живую и увезли в станицу. Когда заеха-

ли во двор брата отца, был уже день, собралась родня на похороны, а бабушка была еще жива. Лошади остановились, к подводе подошли сыновья, дочка, невестки. Бабушка обвела всех взглядом и скончалась.

Я люблю Кубань не за то, что она велика, а за то, что она своя, многоводная, раздольная. За запах цветов, обильное солнце. Выйдешь к густому пшеничному полю — душа не нарадуется. Ветерок волной накатывает другие колосья, пахнет поспевающим хлебом, в небе заливаются жаворонки. А воздух чист так, будто купаешься в нем, как в море.

Началась война, отец и его пять братьев ушли на фронт. Четыре отцовых брата остались на поле сражения, а дома по четверо детей у каждого, и жены так и не дождались своего кормильца. Домой возвратились весь израненный мой отец и дядя Пимен с орденами на груди и офицерскими погонами на плечах.

Когда бабушка лежала без речей, собираясь в мир иной, мама взяла ее котомочку (сумку) и стала вынимать ее содержимое. Там лежал узелок с мелкими ее вещами, кусочек заплесневелого сухарика и сшитый из клеенки пакетик. В пакетике лежал ее проездной документ, три рубля денег и записанная на клочке бумаги молитва:

Пошли нам, Господи, терпение
В годину бурных, мрачных дней,
Сносить народное гонение
И пытки наших палачей.

Дай крепость нам, о Боже правый,
Злодейство ближнего прощать.
И крест тяжелый и кровавый
С твоею кротостью встречать.

И в дни мятежного волнения,
Когда ограбят нас враги,
Терпеть позор и оскорбленья,
Христос Спаситель, помоги.

Владыка Мира, Бог Вселенной,
Благослови молитвой нас
И дай покой душе смиренной
В невыносимый страшный час.

И у преддверия могилы
Вдохни в уста твоих рабов
Нечеловеческие силы
Молиться кротко за врагов.

В конце молитвы было написано: «И не расплескав чашу, до краев наполненную горем, я выпила до дна».